

Н.М. Маркдорф*

ПРАВОНАРУШЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
В КУЗБАССЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**doi:10.31518/2618-9100-2025-2-13
УДК 947.085+362.74

Выходные данные для цитирования:

Маркдорф Н.М. Правонарушения несовершеннолетних в Кузбассе в годы Великой Отечественной войны // Исторический курьер. 2025. № 2 (40). С. 160–173.

URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-13.pdf>

N.M. Markdorf

JUVENILE DELINQUENCY
IN KUZBASS DURING
THE GREAT PATRIOTIC WAR**

doi:10.31518/2618-9100-2025-2-13

How to cite:

Markdorf N.M. Juvenile Delinquency in Kuzbass During the Great Patriotic War // Historical Courier, 2025, No. 2 (40), pp. 160–173.

[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-13.pdf>]

Abstract. The article provides a description of the state of offenses, including crimes committed by minors and children, during the war and in the first post-war years. The causes of offenses committed by individuals, including those in children's social, educational institutions (children's reception and distribution centers, orphanages) and educational institutions (schools of vocational education, vocational and railway schools) are investigated. The causes were identified, and quantitative indicators of offenses were characterized. During the war years the level of homelessness and neglect was high, which largely determined the significant rates of juvenile and especially adolescent crime and other offenses. Local authorities explained the situation with juvenile crime by the continuing problems in eliminating neglect, insufficient organization of preventive measures in educational institutions, and untimely identification of criminal groups of teenagers who were under the influence of criminal elements. Poorly organized educational work among the younger generation, among students of secondary specialized educational institutions, and, naturally, the negligent attitude of many parents to their responsibilities in raising children played a role. Local authorities required to take decisive measures aimed at combating homelessness, neglect, crime, and other unlawful offenses. Nevertheless, in the 1950s and 1960s it was not possible to eradicate such a phenomenon. The article is mainly based on archival sources concentrated in the archives of the Kemerovo and Novosibirsk regions.

Keywords: The Great Patriotic War, Kemerovo Region, Kuzbass, offense, crime, homelessness and neglect, minors and teenagers, children's reception and distribution center, orphanage, schools of vocational education, vocational and railway school, escapes, desertion.

* Наталья Михайловна Маркдорф, доктор исторических наук, Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Россия, e-mail: nmmark@mail.ru

Natalia Mikhailovna Markdorf, Doctor of Historical Sciences, Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russia, e-mail: nmmark@mail.ru

** Автор выражает глубокую признательность директору Л.Ю. Сапуриной и сотрудникам Государственного архива Кузбасса, работникам Архива Информационного центра ГУ МВД России по Кемеровской области, оказавшим помощь в подборе материала.

The author expresses deep gratitude to the director L.Yu. Sapurina and employees of the State Archive of Kuzbass, employees of the Archive of the Information Center of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Kemerovo Region, who assisted in the selection of material.

The article has been received by the editor on 10.02.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье дана характеристика состояния правонарушений, в том числе преступлений, совершаемых несовершеннолетними в военные и в первые послевоенные годы в Кемеровской области. Выявлены их причины и охарактеризованы количественные показатели, в том числе лицами, находившимися в детских социальных воспитательных учреждениях (детских приемниках-распределителях, детских домах) и учебных заведениях (школах фабрично-заводского обучения (ФЗО), ремесленных и железнодорожных училищах). Автор констатирует, что в военное время количественные показатели детской и подростковой преступности во многом объяснялись высоким уровнем беспризорности и безнадзорности в регионе, недостаточной организацией профилактических мероприятий в учебных заведениях, несвоевременным выявлением преступных групп подростков, находившихся под влиянием уголовного элемента, и, конечно, теми проблемами, которые решались в обществе в тяжелое для страны время. Свою роль играла слабо поставленная воспитательная работа среди подрастающего поколения, особенно среди учащихся учреждений среднего специального образования, и, конечно же, нерадивое отношение многих родителей к своим обязанностям в воспитании детей. От местных органов власти потребовалось принятие решительных мер, направленных на борьбу с беспризорностью, безнадзорностью, бродяжничеством, дезертирством с производства, из школ ФЗО, ремесленных, горных и железнодорожных училищ, побегами из детприемников и детских домов, преступностью и иными неправомерными поведением и проступками детей и подростков. Тем не менее в 1950–1960-е гг. изжить такое явление, как подростковая преступность, не удалось. В основном статья написана на основе архивных источников, сосредоточенных в архивах Кемеровской и Новосибирской областей.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Кемеровская область, Кузбасс, правонарушение, преступность, беспризорность и безнадзорность, несовершеннолетние дети и подростки, детский приемник-распределитель, детский дом, школа ФЗО, ремесленное и железнодорожное училище, побеги, дезертирство.

Статья поступила в редакцию 10.02.2025 г.

В годы Великой Отечественной войны и после ее окончания в Кемеровской области, как и в других тыловых регионах страны, наблюдался высокий уровень детских правонарушений и особенно преступности. Это было обусловлено следующими причинами. Во-первых, наличием детской беспризорности и безнадзорности. Если в 1942–1943 гг. в области насчитывалось около 4 000 беспризорных и безнадзорных детей, то в четвертом квартале 1944 г. их количество достигло 10 720 (3 512 беспризорных и 7 208 безнадзорных), а концу войны – 13 982 (3 516 беспризорных и 10 466 безнадзорных)¹. Во-вторых, неблагоприятной социально-экономической ситуацией, сложившейся в СССР. В-третьих, Кузбасс – высокоразвитый промышленный район, в который в годы войны было эвакуировано значительное число промышленных предприятий. В регионе трудилось большое количество мобилизованных рабочих и спецконтингентов (репатриантов, иностранных интернированных, спецпоселенцев различных национальностей), зачастую прибывавших в область вместе со своими семьями. На протяжении всего военного времени и первых послевоенных

¹ Архив информационного центра Главного управления МВД России по Кемеровской области (Архив ИЦ ГУ МВД России по КО). Ф. 11. Оп. 1. Д. 6. Л. 28–48.

лет нерешенность их социально-бытовых проблем обусловила высокий уровень заболеваемости и смертности взрослых, а их осиротевшие дети часто пополняли ряды беспризорных. Часть рабочих, завербованных в промышленность Кузбасса из центральных районов страны, дезертировала с производства. Покидая область, многие бросали своих детей (в основном в возрасте от трех до семи лет) на вокзалах и базарах.

В детские приемники-распределители (ДПР), курируемые Управлением НКВД, беспризорные и безнадзорные несовершеннолетние поступали из милиции, доставлялись общественниками или приходили самостоятельно. При городских и районных отделениях милиции (с 1944 г. при детских комнатах милиции) действовали специальные группы, в состав которых входили работники детприемников и представители партийных, профсоюзных и комсомольских организаций. Приток детей и подростков в промышленные города Кузбасса обеспечивался за счет несовершеннолетних, бежавших в поисках лучшей доли, куска хлеба из сельской местности. На узловых железнодорожных станциях Тайга, Мариинск, Белово, Кольчугино, Топки, Сталинск, Юрга транспортная милиция ежедневно снимала с проходящих поездов несанкционированных и безбилетных «путешественников».

Особое внимание обращали на эшелоны, следующие через Кузбасс в европейскую часть страны и на Дальний Восток. Работники транспортной милиции договаривались с военными комендантами о передаче всех снятых детей с воинских эшелонов начальникам ДПР. Так, например, весной 1945 г. в поездах было задержано 113 детей, ехавших «на перекладных» в товарных вагонах и воинских эшелонах не только из сибирских городов (Иркутска, Красноярска, Абакана), но и из Москвы, Хабаровска, Владивостока. Только за первую половину 1945 г. через пять отделений милиции (Сталинск, Белово, Тайга, Топки, Кемерово) прошло 2 105 чел., в том числе 1 267 безнадзорных и 837 беспризорников². Все вышеуказанные факты во многом объясняли постоянный рост числа беспризорных и безнадзорных детей и подростков, особенно в городской местности.

Малолетние бродяжки и попрошайки, которых местные жители в большом количестве могли наблюдать на улицах, возле рынков, у магазинов и на железнодорожных станциях, стали привычным явлением в сибирских городах. Дети и подростки пополняли ряды лиц, совершавших правонарушения, в том числе преступления, нередко попадая под влияние взрослого уголовного элемента.

В 1941–1945 гг. в Кемеровской области находилось шесть детских приемников-распределителей. В их задачи входил прием беспризорных и безнадзорных детей с улицы и дальнейшее их устройство в детские учреждения либо направление на предприятия области. Кроме детей, не имевших родителей и являвшихся полными сиротами, в детприемники (до 40 %) попадали дети и подростки, у которых родители (либо один из них) были. Часть несовершеннолетних добровольно уходила от родителей (опекунов) по причине тяжелого материального и финансового положения, неблагоприятной психологической обстановки в семье. Малолетние попрошайки и нищие, лишенные средств к существованию и вынужденные «зарабатывать» на улице, задерживались милицией и скрывали, что имеют близких родственников, осужденных или освободившихся из мест заключения родителей.

Находясь долгое время на улице, многие несовершеннолетние привыкали к бродяжничеству и после водворения в детское учреждение (детприемник-распределитель, детский дом) должны были следовать их жестким правилам, строго подчиняться дисциплине, выполнять режим дня и соблюдать правила внутреннего распорядка. Режим дня был одинаковым и для детей, и для подростков. Однако именно подростки наиболее тяжело привыкали к дисциплине, существующей в детском учреждении³.

Иногда в первые же дни пребывания в детском учреждении несовершеннолетние, не желая выполнять непривычные и отвергаемые ими требования, совершали побег.

² Данная статистика не в полной мере отражала уровень беспризорности, так как, во-первых, не всегда осуществлялся учет беспризорников. На составление разного рода сводок, справок и отчетов ввиду интенсивности оперативных мероприятий у сотрудников милиции времени да и желания не хватало (Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 3. Л. 83).

³ Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 16. Л. 126.

В рапортах, направляемых в УНКВД вместе с характеристиками на беглецов, руководство детприемников и детских домов указывало на полное отсутствие желания у подростков находиться в стенах любого детского учреждения. Часть из них, сохранивших контакты и поддерживающих связь с матерыми рецидивистами, при первом удобном случае возвращалась к преступной деятельности. Пережив зиму и дождавшись лета, многие подростки вновь отправлялись в бега в поисках новых приключений. Иногда побег совершали целые компании друзей, в том числе и «в знак солидарности» с товарищем или под давлением его авторитета.

В свою очередь причинами, толкавшими подростков на самовольный уход из социального или воспитательного учреждения, становилась постоянная в нем численная скученность, неудовлетворительное снабжение питанием, холод в помещениях, грубость персонала, детская жестокость, отсутствие индивидуального внимания. В числе важных причин в Кемеровском отделении по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью (ОБДБН) отмечали недокомплект профессиональных воспитателей, а следовательно их халатность, незаинтересованность в работе с трудными детьми и подростками.

Например, воспитанник Прокопьевского детского дома № 1 Пономарев Василий Елисеич 1940 года рождения сбежал из детского дома 12 раз. Предоставленный сам себе мальчик Антропов Николай Васильевич 1941 года рождения когда хотел, тогда и уходил из детского дома только потому, что его обижали старшие, а воспитатели не обращали на это никакого внимания. После возвращения в детдом с ним не проводилось никакой работы, а наоборот, его оставили без внимания⁴.

Так, только за четвертый квартал 1944 г. из детских домов Кемеровской области было зафиксировано 59 побегов, во втором квартале 1945 г. – 79, а в третьем квартале уже 90. Всего за первую половину 1945 г. из детских домов области совершили побег около 200 чел.⁵, в 1946 г. число побегов сократилось до 63⁶. Побег были зафиксированы во всех шести детских приемниках-распределителях. Также наибольшее их число приходилось на Прокопьевский № 3, Боровской, Колыонский, Анжеро-Судженский № 3, Берикульский, Стунисhevский, Власовский детские дома⁷.

На полноту статистики по побегам влияло отсутствие в детских учреждениях документов. В первые годы войны во многих детприемниках произошло уничтожение или частичная, а иногда и полная утрата по различным причинам как архивов, личных дел, так и материалов по розыску воспитанников, что существенно затрудняло учет совершавших правонарушения⁸. Даже в начале 1950-х гг. в ОБДБН УМВД отмечали, что в ряде детприемников отсутствовали картотеки учетных карточек бессрочного хранения на детей и подростков, документы с данными их проверок не сохранились, а личные дела воспитанников оборачивались в газетную бумагу⁹. Тем не менее сведения о побеге и их цифровые показатели зафиксированы в рапортах по детскому социальному учреждению, которые направлялись в Отделение по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью Кузбасса.

На регулярно проводившихся совещаниях руководством областного Отделения по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью не просто констатировали наличие побегов, совершаемых воспитанниками детских приемников и детдомов, но и выявляли их причины, предлагали меры и разрабатывали стратегию по их предотвращению. Руководство детприемника или детского дома обязано было незамедлительно сообщать в детские комнаты милиции и в ОБДБН о побеге или о его подготовке¹⁰. Начиная с середины 1943 г. воспитанники, неоднократно бежавшие из детских домов, школ ФЗО или ремесленных

⁴ Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 16. Л. 84.

⁵ Из них только 50 были возвращены в детские дома.

⁶ Отдел архивной информации Информационного центра Главного управления России по Новосибирской области (ОАИ ИЦ ГУ МВД России по НСО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 301. Л. 2, 18.

⁷ Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 9. Л. 99.

⁸ Данный пример показателен для ряда детских приемников-распределителей в 1940–1950-е гг. (Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 10. Л. 78).

⁹ Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 16. Л. 126.

училищ, на основании инструкции НКВД и прокуратуры СССР от 24.06.1943 за № 325/52/45 отправлялись в трудовые воспитательные колонии¹¹.

С 1944 г. в Кемеровской области свое развитие получила практика размещения на железнодорожных станциях (Тайга, Мариинск, Белово, Кольчугино, Топки, Сталинск) контрольных постов¹². В общественных местах (театрах, садах, парках, рынках) не всегда регулярно, но действовали комсомольские посты. В весенне-летний период их количество старались увеличивать. Например, летом 1945 г. был организован десятидневный рейд по области с привлечением 120 профессиональных работников и 200 комсомольцев. Аналогичные рейды провели Сталинский и Беловский городские отделы Управления НКВД, а в Кемерово для поимки беглых из числа общественности были созданы три бригады (42 чел.)¹³.

Тем не менее следует отметить, что проведенные проверки со стороны Управления НКВД показали, что в нарушение государственных постановлений и инструкций не во всех детских учреждениях производился анализ причин побегов несовершеннолетних. В отчетности были отмечены заметные погрешности. Не всех беглецов сумели вернуть. Виновные в допущении побегов административные лица и персонал никоим образом не наказывались. Ряд партийных и профсоюзных работников организации в ликвидации побегов принимали недостаточное участие.

Правонарушения, совершаемые учащимися школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ. С 1943 г. подростки старше 14 лет из приемников-распределителей, детских домов, возвращавшиеся из трудовых колоний, трудовых воспитательных колоний, централизованно направлялись на трудовое устройство на основании приказа Комитета по учету и распределению рабочей силы при СНК СССР и НКВД СССР от 13 сентября 1943 г. № 95/591 «О направлении в ремесленные, железнодорожные училища, школы ФЗО и промышленные предприятия подростков старше 14 лет из колоний для несовершеннолетних и детских приемников-распределителей НКВД». Сведения о количестве подростков старше 14 лет, поступавших в детприемники, передавались городским (районным) бюро по учету и распределению рабочей силы или городским и районным исполнительным комитетам¹⁴. При трудовом устройстве подросткам, если таковые отсутствовали, стали выдавать документы, удостоверяющие личность¹⁵.

Массовый характер в военные и в первые послевоенные годы носило дезертирство из учебных заведений (школ ФЗО, ремесленных, горных, железнодорожных училищ). Судя по приведенным Кемеровским областным управлением трудовых резервов данным, за 1942–1943 гг. из ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО на предприятия области поступило 35 000 рабочих, в 1944 г. через систему трудовых резервов области было подготовлено и передано на промышленные предприятия 15 500 молодых рабочих, за первую половину 1945 г. закончили учебу более 9 000 чел.¹⁶ За 1944 г. – первую половину 1945 г. учебные заведения самовольно покинули 2 453 чел. (1 090 чел. из школ ФЗО

¹⁰ В годы войны и в первые послевоенные годы область располагала пятью комнатами милиции (одна из которых – транспортная), сосредоточенными в основном в городской местности (ОАИ ИЦ ГУ МВД России по НСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 459. Л. 367).

¹¹ Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 11. Л. 42.

¹² Там же. Д. 10. Л. 19, 19 об.

¹³ Там же. Л. 38, 51.

¹⁴ «О направлении в ремесленные, железнодорожные училища, школы ФЗО и промышленные предприятия подростков старше 14 лет из колоний для несовершеннолетних и детских приемников-распределителей НКВД»: Приказ Комитета по учету и распределению рабочей силы при СНК СССР и НКВД СССР за № 95/591 13 сентября 1943 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9401. Оп. 12. Д. 210. Т. 1. Л. 3–3 об.

¹⁵ Шатилов С.П. Организационно-правовые основы деятельности правоохранительных органов по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны // Право и политика. 2017. № 7. С. 77.

¹⁶ В Кемеровской области в 1944 г. действовали 22 ремесленных училища, 33 школы ФЗО; в 1945–1947 гг. – 16 ремесленных училищ, 3 железнодорожных училища, 59 школ ФЗО. На 01.07.1946 г. в школах ФЗО обучалось 9 093 чел., в училищах – 8 723 чел. Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 11. Л. 45, 99; Государственное казенное учреждение «Государственный архив Кузбасса» (ГКУ ГАК). Ф. П-75. Оп. 1. Д. 18. Л. 12.

и 129 из училищ), или более 10 % от общего количества учащихся. Причем наибольший размах дезертирство приобрело в 1944 г. (1 645 чел., или 10,6 %) ¹⁷. Основной процент самовольных уходов приходился на учащихся, прибывавших в Кемеровскую область из других регионов страны ¹⁸.

В числе поступающих в школы ФЗО было много ранее судимых за уголовные преступления подростков, а также выпускников средних школ, отличавшихся девиантным поведением. У многих из них не было официально оформленных документов. В УНКВД и ОБДБН констатировали, что именно среди этой категории молодых людей было много дезертировавших из учебных заведений, а впоследствии с промышленных предприятий, и совершающих иные правонарушения, в том числе и уголовные преступления.

В свою очередь в качестве причин дезертирства несовершеннолетних и последующие за этим преступления в отчетных документах указывались следующие:

- необустроенность быта и неподготовленность общежитий к зимним условиям, отсутствие топлива, обмундирования и спецодежды;
- неудовлетворительно поставленная воспитательная, оздоровительная, военно-спортивная и культурно-массовая работа, ввиду чего подростки имели много свободного времени, которое проводили на улице и хулиганили;
- в ночное время в общежитиях отсутствовали проверки;
- аморальные проступки персонала.

В конце 1943 – начале 1944 г. УНКВД по Кемеровской области была произведена серия проверок санитарно-бытового состояния училищ и школ ФЗО, выявившая многочисленные факты нарушений. Например, в ходе обследования Кемеровского ремесленного училища № 17, в котором обучались дети-сироты, было зафиксировано неудовлетворительное состояние снабжения молодых людей питанием, обмундированием и топливом. В постановлении Обкома ВКП(б) отмечались факты использования молодых рабочих не по специальности (трест «Сталинскпромстрой»), направления их на разгрузку угля или на подсобные работы (промышленные предприятия и шахты Прокопьевска, Анжеро-Судженска). В июне 1945 г. очередная проверка выявила массовые пропуски занятий учащимися; число неуспевающих постоянно увеличивалось; состояние преподавания теоретических и производственных дисциплин оставалось на недопустимо низком уровне, так как по многим из них либо отсутствовали преподаватели, либо они имели низкую профессиональную квалификацию ¹⁹; ощущался дефицит производственных мастерских. Часть выпускников через 2–3 месяца (вместо отведенных шести) направлялась на производство, не получив необходимой квалификации.

К середине 1945 г. по решению Обкома партии во многих училищах заменили мастеров, был уволен начальник училища в Кемерово, и в конечном варианте во многих учебных заведениях смогли навести должный порядок. Были даны рекомендации администрации и работникам учебных заведений по организации и улучшению политико-воспитательной работы с несовершеннолетними, а также по борьбе с побегами и дезертирством. Обком ВКП(б) обязал руководство промышленных предприятий выделить училищам необходимое количество помещений для производственного обучения, размещения учащихся и организации для них нормальных жилищно-бытовых условий, решить вопросы обеспечения трехразовым питанием в столовых и бесперебойного снабжения их продуктами из подсобных хозяйств предприятий, организовать при учебных заведениях мастерские по ремонту обмундирования. Специальным постановлением запретили использовать не по специальности выпускников как на производстве, так и в самом учебном заведении, а также привлекать

¹⁷ ГКУ ГАК. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 238. Л. 45, 47; Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 10. Л. 39.

¹⁸ Например, из 90 чел., прибывших в Кузбасс из Омской области молодых рабочих, в первые же месяцы с производства сбежали 40 чел.

¹⁹ Так, в 1947 г. руководство Кемеровского обкома ВКП(б) констатировало, что из 383 мастеров ремесленных училищ 322 имели незаконченное среднее или начальное образование, из 170 преподавателей у 73 отсутствовало педагогическое образование (ГКУ ГАК. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 129. Л. 91).

их к работам, не связанным с обучением или производственной практикой²⁰. К началу 1946 г. в области предполагалось открыть два новых ремесленных училища на 300 мест специально для выпускников детских домов, увеличив срок их обучения до трех лет²¹.

За самовольный уход с места учебы или работы, а также систематическое грубое нарушение дисциплины, повлекшее исключение из школы или училища, несовершеннолетние правонарушители по приговору суда отправлялись отбывать наказание в трудовую колонию на срок до одного года, а начиная с 1943 г. в трудовую воспитательную колонию²². Администрации учебного заведения предлагалось незамедлительно сообщать данные о дезертирах в Прокуратуру, которая на основании справок о правонарушении, о поведении учащегося в стенах учебного заведения, его личностной характеристики, а также приказа об исключении из школы в пятидневный срок выносила решение о передаче дела в суд²³.

Письмо Народного комиссариата юстиции СССР (Наркомюст СССР, НКЮ СССР), Прокурора СССР и Главного управления трудовых резервов от 11 сентября 1943 г. «О мероприятиях по укреплению дисциплины в ремесленных, железнодорожных училищах и школах ФЗО», с одной стороны, устанавливало учащемуся срок для исправления поведения до его исключения из училища или школы. С другой стороны, ужесточило наказание для дезорганизаторов учебно-производственной дисциплины, дезертиров, воров и хулиганов. Администрации учебного заведения предписывалось незамедлительно принимать меры к недопущению самовольных уходов учащихся. Должностных лиц (председателей сельсоветов, колхозов и иных учреждений), виновных в укрывательстве, самовольно оставивших училища и школы подростков или выдававших им фиктивные справки в целях уклонения от мобилизации или обучения в училищах и школах, привлекали в зависимости от обстоятельств дела и собранных доказательств к уголовной или дисциплинарной ответственности. Предусматривалась ответственность родителей через общественные организации предприятий, учреждений и колхозов, где они работали. После проведенного расследования Прокуратура передавала дела в суд. На судебные заседания вызывали представителей училищ и школ, а при необходимости выезжали в училища и школы.

За 1944 г. на основании данных нормативно-правовых актов к уголовной ответственности за дезертирство было привлечено более 500 учащихся, за 1945 г. – более 600²⁴. В 1944–1946 гг. было зафиксировано около 600 случаев дезертирства с производства молодых рабочих в возрасте до 18 лет. За восемь месяцев 1944 г. с завода «Карболит» дезертировало 69 чел., с завода № 388 – 48 молодых рабочих, не достигших 18 лет. Подобные случаи отмечали на других промышленных предприятиях области. В основном причинами стала необученность быта и дефицит мест в общежитиях, а также низкая заработная плата²⁵.

С 1943 г. розыск дезертиров (в том числе прибывших на предприятия из учебных заведений) с промышленных предприятий и обязательное уведомление Прокуратуры с результатами розыска и ареста дезертиров в пятидневный срок становятся постоянными²⁶. В июне 1944 г. был введен новый порядок организации розыскных мероприятий и привлечения к уголовной ответственности. Нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия в своем приказе от 07.07.1944 г. акцентировал особое внимание органов НКВД на важность быстрее устранения недочетов в деле борьбы с дезертирством на предприятиях военной промышленности и на максимально быстрый розыск дезертиров. Была введена в действие инструкция

²⁰ «О состоянии и мерах по улучшению работы ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО в Кемеровской области»: Постановление обкома ВКП(б) от 6 июня 1943 г. (ГКУ ГАК. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 18. Л. 12–18, 20–21).

²¹ ГКУ ГАК. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 137. Л. 148.

²² «Об ответственности учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушения дисциплины и за самовольный уход из училища (школы)»: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29.12.1940 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 1. С. 3–4.

²³ Приказ Народного Комиссара Юстиции Союза ССР, Прокурора Союза ССР и Начальника Главного управления трудовых резервов при СНК СССР от 4 января 1941 г. за № 2/5-3 // Государственные трудовые резервы: сборник официальных руководящих материалов. М., 1945. С. 48–50.

²⁴ ГКУ ГАК. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 143. Л. 27–28.

²⁵ Там же. Л. 29–30.

²⁶ ИЦ ГУ МВД России по НСО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 35-1-1. Л. 1–2; Ф. 4. Оп. 1. Д. 316. Л. 196.

от 5 июля 1944 г. № 16/162/194 «О порядке розыска лиц, дезертировавших с промышленных предприятий в военное время». Под строгий контроль НКВД были взяты промышленные предприятия, МТС, колхозы, лесозаготовительные участки и иные учреждения. При этом Управления НКВД осуществляли меры по самостоятельному и незамедлительному розыску независимо от наличия розыскных заданий. Всех задержанных допрашивали, протоколы направляли в местную прокуратуру для привлечения виновных к уголовной ответственности²⁷.

В помощь органам милиции действовали группы общественного порядка из числа селян, управдомов, комендантов, дворников. Создавался партийно-комсомольский актив. Усилили проведение массовых операций (облавы) по проверке документов во всех населенных пунктах, на станциях, в местах общего пользования, квартирах. Органам милиции, получившим розыскные задания прокуратуры от других органов милиции, поручили провести на обследуемой ими территории все необходимые розыскные мероприятия. На неустановленных в ходе оперативных мероприятий лиц дела в течение трех месяцев передавали в Первый спецотдел УНКВД.

Такое явление, как дезертирство из учебных заведений и предприятий области, до конца не было изжито и в послевоенное время, хотя благодаря предпринимаемым мерам оно значительно сокращается. Так, в 1946 г. зафиксировано 1 953 случая самовольного ухода молодых рабочих, а за первый квартал 1947 г. – еще 556, 132 дела бежавших из школ ФЗО и ремесленных училищ передали в суд²⁸.

К числу иных правонарушений, совершаемых учащимися средних учебных заведений в области, относились: нарушения режима, грубость и неповиновение администрации и педагогам, карточная игра, драки (что расценивалось как мелкое хулиганство), продажа и обмен казенного имущества на незначительные суммы на продукты питания на рынке, преднамеренное повреждение имущества, не наносящее серьезный ущерб учебному заведению (школы ФЗО Прокопьевска, Кемерово, Сталинска).

За мелкое хулиганство, нарушение общественного порядка, оскорбительное отношение к гражданам, грубость со стороны подростков и другие проступки к виновным применяли меры административного воздействия. Материалы о правонарушениях рассматривались народным судьей единолично в течение суток после поступления их в суд. Постановление суда приводилось в исполнение немедленно и обжалованию не подлежало. В то же время лица, отбывшие наказание за действия, предусмотренные Указом «Отб ответственности за мелкое хулиганство», считались не имевшими судимости. За ними сохранялась ранее выполняемая работа и непрерывный трудовой стаж на производстве. Мелкое хулиганство влекло за собой арест на срок от 3 до 15 суток, если эти действия по своему характеру не влекли наказание, предусмотренное статьей 74 УК РСФСР²⁹.

В военное время из года в год возрастало количество преступлений, совершаемых несовершеннолетними в учебных заведениях и молодыми рабочими на производстве. К числу наиболее характерных были отнесены следующие: злостное хулиганство, драки с применением холодного оружия, кражи и грабежи. За 1944–1945 гг. учащиеся совершили 89 преступлений, все они были привлечены к уголовной ответственности.

Преступность среди несовершеннолетних. Именно среди детей и подростков, самовольно покидавших детприемники, детские дома, дезертировавших из учебных заведений, трудоустроенных на промышленные предприятия, МТС или трудившихся в сельском хозяйстве, отмечался наиболее высокий процент лиц, совершавших преступления. Часть из них находилась под влиянием взрослых преступников, а часть попадала в различные крими-

²⁷ ИЦ ГУ МВД России по НСО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 322. Л. 46, 47.

²⁸ Например, в начале 1947 г. с Коксохимзавода из 290 прибывших из училищ дезертировало 219 молодых рабочих (ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 11. Д. 9. Л. 38; ГКУ ГАК. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 137. Л. 143; Д. 170. Л. 28).

²⁹ Тем не менее с целью борьбы с мелким хулиганством и учитывая, что уголовная ответственность за него не предусмотрена, что зачастую рассматривалось несовершеннолетними правонарушителями как безнаказанность, Президиум Верховного Совета РСФСР 19 декабря 1956 г. принял специальное постановление и указ «Об ответственности за мелкое хулиганство». Указ утратил силу в соответствии с новым Указом Президиума РСФСР от 26.07.1966 г. (См.: Постановления Президиума ВС РСФСР. 1956. Д. № 212/8. С. 55, 107).

нальные группы. Так, за вторую половину 1944 г. за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность привлекли к уголовной ответственности 46 взрослых, в первой половине 1945 г. – 149 чел.³⁰ Причем это были не только закоренелые преступники, но и спившиеся родители. Многие из последних были осуждены³¹, лишены родительских прав, за допущение безнадзорности платили внушительные штрафы, а также были обязаны выплачивать алименты на содержание своих детей в детском заведении³². В послевоенные годы широкое распространение получила практика привлечения нерадивых родителей к показательным народным судам.

В целом по СССР количество преступлений, совершенных несовершеннолетними в 1942 г., возросло по сравнению с 1941 г. на 61 %, а в 1944 г. – на 181 %³³. Так, Е.А. Чибурова отмечала, что среди лиц, привлеченных к уголовной ответственности в стране, несовершеннолетние составляли 43 %, из них 68 % ранее были не судимы, а за кражи осудили 60 % беспризорных и безнадзорных³⁴.

В Западной Сибири уровень преступности несовершеннолетних был высоким, что обусловлено трудностями военного времени³⁵. Не исключением из общей ситуации стал и Кузбасс. В Кемеровской области во второй половине 1944 г. в своих отчетных документах бригада Совнаркома РСФСР зафиксировала рост преступности несовершеннолетних в два раза по сравнению с предыдущим годом и первыми двумя кварталами года текущего. Например, во втором квартале 1944 г. привлечено к уголовной ответственности 265 чел., за два месяца третьего квартала – 238 чел.³⁶ Наибольший всплеск преступности зафиксирован в Сталинске, Кемерово, Белово, Прокопьевске, Ленинске-Кузнецком.

Таблица

Виды преступлений и их количество

Показатель	4-й квартал 1944 г., чел.	1-й квартал 1945 г., чел.
Всего зарегистрировано преступлений	136	112
Из них:		
убийств бытовых	1	2
грабежей	2	39
телесных повреждений	2	12
кража скота	1	–
кражи	125	97
прочие	11	15
Привлечено несовершеннолетних к уголовной ответственности за текущий и предшествующий периоды	175	150
до 12 лет	7	22

³⁰ Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1. Л. 67–69.

³¹ Дети осужденных родителей направлялись в детские приемники-распределители, определявшие их в иное детское учреждение – детский дом, школу ФЗО, ремесленное училище (ОАИ ИЦ ГУ МВД России по НСО. Ф. 4. Оп. 1. 322. Л. 31).

³² Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 9. Л. 179.

³³ Пажит Ю.Ю. Беспризорность, безнадзорность и детская преступность в годы Великой Отечественной войны // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: мат-лы VIII Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2007. Т. 2. С. 185–189.

³⁴ Чибурова Е.А. Деятельность милиции Алтайского края по борьбе с преступностью и охране общественного порядка в 1945–1953 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2010. С. 21.

³⁵ Дунбинская Т.И. Социальная адаптация детей на территории Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: анализ исторического опыта: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2004. 28 с.

³⁶ Маркдорф Н.М. Проблемы ликвидации детской беспризорности и безнадзорности в Кузбассе (1944–1950) // История повседневности. 2020. № 4 (16). С. 64–79.

Окончание табл.

Показатель	4-й квартал 1944 г., чел.	1-й квартал 1945 г., чел.
до 13 лет	13	33
до 14 лет	47	46
до 15 лет	69	46
до 16 лет	39	3

Составлено и подсчитано по: Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 10. Л. 97–99, 112.

К окончанию войны количество совершаемых несовершеннолетними преступлений сокращается, что объясняется тем комплексом мер, которые принимались органами государственной, исполнительной и партийной власти в отношении беспризорных и безнадзорных детей и подростков. После войны улучшается положение детприемников: часть из них финансировалась из государственного бюджета, часть – из регионального или имела смешанное финансирование и снабжение³⁷. Тем не менее уровень беспризорности и особенно безнадзорности и в послевоенные годы был высоким, что создавало почву для совершения несовершеннолетними правонарушений и преступлений.

Дети и подростки, совершившие правонарушения в приемниках-распределителях, в детских домах и иных учебных учреждениях, которые не могли быть осуждены, в соответствии с инструкциями НКВД направлялись в трудовые воспитательные колонии (ДТВК)³⁸. Это были:

- совершавшие мелкие кражи вещей и продуктов, и в том числе вовлекавшие других воспитанников в детприемниках, детских домах и иных учебных заведениях в преступную деятельность;

- неоднократно нарушавшие дисциплину и систематически не подчинявшиеся правилам внутреннего распорядка;

- многократно бежавшие из детприемников, детских домов. В ДТВК направляли тогда, когда все остальные меры педагогического воздействия были исчерпаны.

До разделения Новосибирской и Кемеровской областей, до открытия в Новосибирске трудовой воспитательной колонии (1943 г.) несовершеннолетних правонарушителей в первой половине 1940-х гг. направляли, как правило, в западносибирские города (например в Омск, Томск, Барнаул, Бийск), а также в другие регионы страны.

В 1942–1945 гг. в Западной Сибири было несколько трудовых и трудовых воспитательных колоний, организованных в Алтайском крае, Омской, Томской, Новосибирской областях. С октября 1943 г. в Омской области действовала детская трудовая воспитательная колония № 1 на 250 мест, среднесписочный состав которой менялся на протяжении 1940-х гг.³⁹ В 1942 г. на базе бывшей ИТЛ № 5 в г. Бийске была создана ДТВК для несовершеннолетних, а с 1944 г. в Барнауле (пос. Кирова) на базе барнаульского меланжевого комбината работали две колонии для несовершеннолетних: ТВК № 1 (для мальчиков) и ТВК № 2 (для девочек). Однако по численности колонии были небольшими. Например, 305 воспитанников барнаульской ТВК № 1 объединялись всего в пять отрядов⁴⁰.

³⁷ Сарбалаев А.М. Ретроспективный анализ социального сиротства в России: сущностные характеристики // Человеческий капитал. 2020. № 1 (133). С. 27.

³⁸ В ДТВК подростков направляли на основании действующей инструкции НКВД, НКО и Прокуратуры СССР от 21.06.1943 за № 325/52/45.

³⁹ Быкова А.Г., Быков А.В. Детская трудовая воспитательная колония № 1 УНКВД по Омской области: история создания и проблемы функционирования в 1943–1948 гг. // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2015. № 4 (8). С. 83–89.

⁴⁰ Суверов Е.В. Деятельность детской трудовой воспитательной колонии в г. Бийске Алтайского края (1943–1945 гг.) // Россия в эпоху модернизации: опыт, проблемы, перспективы: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Барнаул, 2011. С. 73–74; Малкова Ю.А. Деятельность советских пенитенциарных учреждений и их роль в государственной репрессивной политике в Алтайском крае: 1937–1953 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2013. С. 78–82; Суверов Е.В., Тарасова Л.Я. Алтайская милиция в борьбе с детской

С октября 1943 г. несовершеннолетних правонарушителей из Кузбасса принимала трудовая воспитательная колония № 1 в Томске⁴¹, а малолетних преступников – трудовая колония № 2 (рассчитанная на 500 мальчиков), из которой в ноябре 1943 г. предварительно вывели всех взрослых заключенных в отдельную обособленную зону⁴². К маю 1944 г. к существующим в Томской и Новосибирской областях дополнительно организовали три колонии с лимитом на 1 500 чел., при этом первоначально в колонии из Кемеровской области направили всего 99 чел.⁴³

Судя по архивным документам, из региона в четвертом квартале 1944 г. 51 несовершеннолетнего правонарушителя отправили в ТВК других областей и краев областей Западной, Восточной Сибири и Урала⁴⁴. Данная практика сохранялась и в последующие годы. Малый процент направления в колонии в этот период объяснялся следующими причинами: отсутствием своей ДТВК в области, длительностью получения нарядов от Отдела НКВД СССР по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, так как для направления в учреждения других областей необходимо было запрашивать именной наряд. Его получение и оформление как в центре, так и на месте в общей сложности занимали 1–2 месяца.

В Кузбассе воспитательная трудовая колония отсутствовала. Областное Управление НКВД предполагало создать ее к началу 1945 г., но так и не открыло в последующие годы. В конце 1944 г. комиссия УНКВД осуществила проверку трех детских домов с целью открытия ДТВК на базе одного из них. При этом лучший Тутаевский детдом лично инспектировал начальник детской трудовой колонии г. Томска. Однако комиссия установила, что помещение, занимаемое детским учреждением, требует капитального ремонта, а его вместимость всего 100–120 чел., приспособить имеющиеся корпуса под производственные цеха, школу и иные хозяйственные нужды не удастся. Кроме того, этот детдом находился в 4 км от оборонного завода, сообщение с которым осуществлялось по железной и грунтовой дорогам и посредством паромной переправы через р. Томь⁴⁵.

В июне 1947 г. Кемеровским облисполкомом вновь был поднят вопрос об открытии ДТВК в г. Тайга Кемеровской области, однако данное решение так и осталось нереализованным⁴⁶. В связи с ростом преступности в военные и в первые послевоенные годы, количества побегов из различных социальных и специализированных детских учреждений предполагали дополнительно открытие детприемников в Прокопьевске и Тайге, что также не удалось осуществить.

Несмотря на наличие ТВК и ДТВК в 1940-е гг., малолетние заключенные в возрасте от 16 до 18 лет содержались в колониях ОИТК УМВД, расположенных в Кузбассе. К декабрю 1947 г. в десяти исправительно-трудовых колониях находилось 1 079 чел. Ряд директив НКВД-МВД СССР и Прокуратуры СССР регулировал режим содержания, определял порядок и условия их труда, которые неоднократно нарушались. Например, в ИТК № 6 в бараках вместе с 400 взрослыми заключенными (в том числе с особо опасными преступниками) находились 30 несовершеннолетних мальчиков. Как мальчики, так и девочки не имели чистого белья, спали на голом полу без каких-либо постельных принадлежностей. Несовершеннолетних использовали на тяжелых физических работах. В этом отношении Кузбасс не был исключением из числа других районов страны⁴⁷. Тем не менее в Управлении

беспризорностью и безнадзорностью в Алтайском крае: 1941–1945 гг. Барнаул, 2014; Блинова В.В. Детская преступность в годы Великой Отечественной войны // Сибирь гуманитарная. 2024. № 4 (8). С. 41–50.

⁴¹ Решение приняли Новосибирский обком ВКП(б) и облисполком 07.09.1943 г. за № 431/15 в соответствии с указанием НКВД СССР по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью.

⁴² ОАИ ИЦ ГУ МВД России по НСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 302. Л. 196 об.

⁴³ Там же. Л. 271.

⁴⁴ Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 6. Л. 65.

⁴⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 345.

⁴⁶ Приказание начальника МВД СССР по Кемеровской области. Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л. 20–21.

⁴⁷ См., напр.: Гребенщикова И.В. Правовой статус несовершеннолетних, содержащихся в исправительно-трудовых учреждениях в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2023. Т. 11, № 2 (42). С. 3–13. URL: <https://esj.pnzgu.ru/page/52850> (дата обращения: 22.12.2023).

МВД было принято решение об улучшении содержания малолетних преступников, к декабрю 1947 – началу 1948 г. практически всех несовершеннолетних заключенных из тюрем и ИТК определили в специальные зоны, провели расследование о деятельности лиц, допустивших беззаконие, и виновных наказали⁴⁸.

Освобождаемые из колоний и тюрем лица, не достигшие 18-летнего возраста, были взяты на оперативный учет. Отделение по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью из областного Управления НКВД заблаговременно получало извещение об их возвращении в Кузбасс и направляло информацию в городские и районные отделения милиции. Так как освобожденные из колонии (особенно рецидивисты) могли вновь совершить преступление, за ними устанавливалось негласное наблюдение. Местные отделения должны были подтвердить факт прибытия и установить адрес проживания несовершеннолетнего.

Подводя итоги, можно утверждать, что в военные и в первые послевоенные годы уровень правонарушений, включая преступления, совершенные несовершеннолетними, был высоким. Управление НКВД–МВД по Кемеровской области, обком ВКП(б) отмечали, что количество привлеченных к уголовной ответственности подростков и детей являлось значительным, в том числе на протяжении всех 1950–1960-х гг. Как и в годы войны, в это время по-прежнему самое большое число преступлений составляли кражи общественного и личного имущества граждан. На втором месте находилось злостное хулиганство. Такое положение с преступностью среди несовершеннолетних местные органы власти объясняли сохранявшимися проблемами в деле ликвидации безнадзорности, слабой организацией профилактических мероприятий по предупреждению правонарушений в учебных заведениях, несвоевременным выявлением преступных групп подростков, находившихся под влиянием уголовного элемента. Свою роль, как и прежде, играла слабо поставленная воспитательная работа среди подрастающего поколения, особенно среди учащихся учреждений среднего специального образования, и, конечно же, нерадивое отношение многих родителей к своим обязанностям в воспитании детей.

Литература

Блинова В.В. Детская преступность в годы Великой Отечественной войны // Сибирь гуманитарная. 2024. № 4 (8). С. 41–50.

Быкова А.Г., Быков А.В. Детская трудовая воспитательная колония № 1 УНКВД по Омской области: история создания и проблемы функционирования в 1943–1948 гг. // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2015. № 4 (8). С. 83–89.

Гребенщикова И.В. Правовой статус несовершеннолетних, содержащихся в исправительно-трудовых учреждениях в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2023. Т. 11, № 2 (42). С. 3–13. URL: <https://esj.pnzgu.ru/page/52850> (дата обращения: 22.12.2023).

Дунбинская Т.И. Социальная адаптация детей на территории Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: анализ исторического опыта: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2004. 28 с.

Малкова Ю.А. Деятельность советских пенитенциарных учреждений и их роль в государственной репрессивной политике в Алтайском крае: 1937–1953 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2013. 206 с.

Маркдорф Н.М. Проблемы ликвидации детской беспризорности и безнадзорности в Кузбассе (1944–1950) // История повседневности. 2020. № 4 (16). С. 64–79.

Пажит Ю.Ю. Беспризорность, безнадзорность и детская преступность в годы Великой Отечественной войны // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: мат-лы VIII Всерос. науч. конф. Екатеринбург: АМБ, 2007. Т. 2. С. 185–189.

Сарбалаев А.М. Ретроспективный анализ социального сиротства в России: сущностные характеристики // Человеческий капитал. 2020. № 1 (133). С. 26–33.

⁴⁸ Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 23. Л. 14–17.

Суверов Е.В. Деятельность детской трудовой воспитательной колонии в г. Бийске Алтайского края (1943–1945 гг.) // Россия в эпоху модернизации: опыт, проблемы, перспективы: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Барнаул, 2011. С. 73–74.

Суверов Е.В., Тарасова Л.Я. Алтайская милиция в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в Алтайском крае: 1941–1945 гг. Барнаул: Барнаульский юридический институт, 2014. 87 с.

Шатилов С.П. Организационно-правовые основы деятельности правоохранительных органов по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны // Право и политика. 2017. № 7. С. 75–84.

Чибурова Е.А. Деятельность милиции Алтайского края по борьбе с преступностью и охране общественного порядка в 1945–1953 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2010. 27 с.

References

Blinova, V.V. (2024). Detskaya prestupnost' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Child Crime during the Great Patriotic War]. In *Sibir' gumanitarnaya*. No. 4 (8), pp. 41–50.

Bykova, A.G., Bykov, A.V. (2015). Detskaya trudovaya vospitatel'naya koloniya № 1 UNKVD po Omskoy oblasti: istoriya sozdaniya i problemy funktsionirovaniya v 1943–1948 gg. [Children's Labor Educational Colony No. 1 of the UNKVD in the Omsk Region: History and Problems of Functioning in 1943–1948]. In *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*. No. 4 (8), pp. 83–89.

Chiburova, E.A. (2010). Deyatel'nost' militsii Altayskogo kraya po bor'be s prestupnost'yu i okhrane obshchestvennogo poriyadka v 1945–1953 gg. [Activities of the Altai Krai Police in Combating Crime and Maintaining Public Order in 1945–1953], Cand. hist. sci. diss. abstract. Barnaul. 27 p.

Dunbinskaya, T.I. (2004). Sotsialnaya adaptatsiya detey na territorii Zapadnoy Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: analiz istoricheskogo opyta [Social Adaptation of Children in Western Siberia during the Great Patriotic War: Analysis of Historical Experience], Cand. hist. sci. diss. abstract. Tomsk. 28 p.

Grebenshchikova, I.V. (2023). Pravovoy status nesovershennoletnikh, sodержavshikhsya v ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniyakh v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945) [The Legal Status of Minors Held in Forced Labor Institutions during the Great Patriotic War (1941–1945)]. In *E'lektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo"*. Vol. 11, No. 2 (42), pp. 3–13. Available at: URL: <https://esj.pnzgu.ru/page/52850> (date of access 22.12.2023).

Malkova, Yu.A. (2013). Deyatel'nost' sovetskikh penitentsiarnykh uchrezhdeniy i ikh rol' v gosudarstvennoy repressivnoy politike v Altayskom krae: 1937–1953 gg. [The Activities of Soviet Penitentiary Institutions and Their Role in State Repressive Policy in the Altai Territory: 1937–1953], Cand. hist. sci. diss. abstract. Barnaul. 206 p.

Markdorf, N.M. (2020). Problemy likvidatsii detskoy besprizornosti i beznadzornosti v Kuzbasse (1944–1950) [Problems of Eliminating Child Homelessness and Neglect in Kuzbass (1944–1950)]. In *Istoriya povsednevnosti*. No. 4 (16), pp. 64–79.

Pazhit, Yu.Yu. (2007). Besprizornost', beznadzornost' i detskaya prestupnost' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Homelessness, Neglect and Juvenile Delinquency during the Great Patriotic War]. In *Ural industrial'nyy. Bakuninskie chteniya: materialy VIII Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii*. Yekaterinburg, AMB. Vol. 2, pp. 185–189.

Sarbalaev, A.M. (2020). Retrospektivnyy analiz sotsial'nogo sirotstva v Rossii: sushchnostnye kharakteristiki [Retrospective Analysis of Social Orphanhood in Russia: Essential Characteristics]. In *Chelovecheskiy kapital*. No. 1 (133), pp. 26–33.

Shatilov, S.P. (2017). Organizatsionno-pravovye osnovy deyatel'nosti pravookhranitel'nykh organov po bor'be s detskoy besprizornost'yu i beznadzornost'yu v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Organizational and Legal Foundations of the Activities of Law Enforcement Agencies in Combating Child Homelessness and Neglect during the Great Patriotic War]. In *Pravo i politika*. No. 7, pp. 75–84.

Suverov, E.V. (2011). Deyatel'nost' detskoy trudovoy vospitatel'noy kolonii v gorode Biyske Altayskogo kraya (1943–1945 gg.) [Activities of the Children's Labor Correctional Colony in the City of Biysk, Altai Krai (1943–1945)]. In *Rossiya v epokhu modernizatsii: opyt, problemy, perspektivy: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. Barnaul, pp. 73–74.

Suverov, E.V., Tarasova, L.Ya. (2014). Altayskaya militsiya v bor'be s detskoy besprizornost'yu i beznadzornost'yu v Altayskom krae: 1941–1945 gody [Altai Police in the Fight Against Child Homelessness and Neglect in the Altai Region: 1941–1945]. Barnaul, Barnaul'skiy yuridicheskiy institut. 87 p.